

Зеэв ГЕЙЗЕЛЬ

ЗАКРУЧЕННЫЕ ВЛЕВО

«Левый» как универсальный термин – постановка вопроса

Понятия «правый» и «левый» сегодня, возможно, открывают собой частотный словарь любого политического лексикона. Они не просто часто употребляются: иногда они достаточны для однозначного заклеивания оппонента (с добавкой существительного «экстремист»), иногда – для подчёркивания идеологической последовательности лидера (здесь спектр нормативно-грамматических средств несколько более широк). Вряд ли хотя бы сотая доля процента тех, кто уверенно классифицирует политический мир по «право-левой» шкале, осведомлена о том, что изначально (двести лет назад) это деление означало всего лишь традиционное расположение мест во французском парламенте. А ведь даже в Израиле, где, казалось бы, накал политических страстей должен был бы выпрямить весь спектр мнений до одномерной струны, – понятия «левый» и «правый» употребляются как минимум в трёх, совершенно различных, смыслах: а) конфликт с арабским миром; б) социально-экономическая сфера; в) взаимоотношения государства и религии. Список можно было бы и продолжить – но и этот теорминимум несколько сбивает с толку. Да полноте, скажет нетерпеливый читатель заголовков, есть ли вообще нечто общее, что объединяет эти понятия, не дань ли это случайно сложившимся стереотипам, общности в которых – не более, чем между словами, начинающимися на одинаковую букву?

Сей ответ заманчив в виду своей прозаичности, однако внутренний голос подсказывает: нет, что-то здесь не так, по крайней мере – когда речь о «левых». Мнение внутреннего голоса подкрепляется, как минимум, двумя соображениями.

Во-первых, не только профессионалы-политологи, но и рядовые глотатели ежедневной газетной жвачки обычно безошибочно определяют – в любом вопросе –

что имеется в виду, когда о политиках, общественных деятелях или группах говорят, что они занимают по этому вопросу левую позицию. А во-вторых – налицо та глобальная солидарность, которую проявляют носители локально левых идеологий, зачастую противоречащая очевидным локальным же интересам, социальной принадлежности, простой логике, наконец, – и тем не менее поднимающаяся до размаха марковского «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» Для иллюстрации обратимся к тем же израильским примерам: ведь если нет никакой связи между понятиями, что же заставляет юных тель-авивских борцов за права палестинцев надевать майку с изображением Че Гевары? Или, скажем, почему солидный журналист из «Маарива», ненавидящий Бегина, использует в качестве очевидных ругательств слова «татчеризм» и «рейганизм»?

Перенесясь мысленно, по ассоциации, на родины двух упомянутых измов, а также обратившись к другому европейскому опыту – в первую очередь французскому, – нельзя не поразиться присутствующей и здесь неуловимой общности поведения представителей левой самоидентификации. О чём бы ни шла речь – кажется, будто как стрелки невидимого компаса направляются намагниченные неведомым составом душа в нужную сторону. И ведь не в принципах дело – нет, тут, матушка, магнит попритягательней: иначе как объяснить, например, ну хотя бы столь странную, но слишком часто наблюдавшуюся поразительную снисходительность поборников прав человека к полному отсутствию таковых прав в странах, догадавшихся назвать себя «социалистическими»?

Итак: есть ли нечто, что объединяет понятия «левых» не только в разных странах (Запада), но и при обсуждении абсолютно различных тем? На взгляд автора, ответ положителен: да, такой общий базис существует, и он будет рассмотрен в предлагаемой статье.

Два небольших замечания, призванных оправдать сужение рамок темы.

Во-первых, оговорка «в странах Запада» (то есть демократического мира) неслучайна: мне не представляется естественным подгонять под схемы, сформулированные в терминах демократического общества, процессы, происходящие в диктаторских и авторитарных режимах, даже если в газетах принято использовать

слово «президент» для обозначения и Буша, и Асада, а «парламент» – для описания политической жизни как в Нидерландах, так и в Эфиопии.

Во-вторых: читатель, возможно, может упрекнуть меня, что я собираюсь говорить только об общности «левых», но не о «правых». Этот упрек справедлив лишь отчасти: на мой взгляд (который я постараюсь обосновать в конце статьи), классификационный диполь «левые-правые» нелегитимен, как противопоставление центра шара – его поверхности, и поэтому попытки построения общей крыши для всех «правых» логически несостоятельны.

После этих оговорок у автора не остаётся другого выбора, кроме как приступить к изложению обещанного.

Первый основной принцип

Все идеологии, политические теории, социальные концепции и т.д. декларируют, что являются носителями единственно правильного ответа на вопрос: «Как сделать так, чтобы гражданам было хорошо?» Построение общества, в котором (в конце концов) всем будет хорошо, – это их общая очевидная цель. Правда, для этого иногда необходимо, чтобы по дороге к светлому будущему понятие «всех» было несколько уточнено – путём то ли удаления, то ли перевоспитания не вписывающихся в поступательное движение всеобщей гармонии элементов. В тех случаях, когда это происходит (то есть практически всегда), возникает произвольная замена вопроса «что такое хорошо?» на вопрос «что такое справедливо?» Такая постановка вопроса (даже неявная) предполагает, что есть конфликт, – а в конфликте участвуют, как минимум, две стороны. Как же определить, кто из них прав, а кто – нет (и, следовательно, со вторым необходимо как-то бороться)? Ответ, который будет предложен слева, детерминирован тем, что мы назовём «Первый основной левый принцип»:

Л-1: «Слабый всегда прав»

Остановимся на этом принципе. Его ни в коем случае нельзя путать с призывами к благотворительности, помощи бедным, спасению голодающих и т.д. (хотя,

разумеется, филантропы могут быть левыми – как, впрочем, и правыми), так как эти призывы исходят из того, что «слабому нужно помочь». Основой этого «нужно» могут быть соображения этические, религиозные, социальные, экономические, экологические, футурологические и ужастькакиеиические, но «Первый основной левый принцип» (А-1) утверждает нечто большее: Слабый нуждается не в помощи, а в осуществлении справедливости по отношению к нему; ведь не может же быть справедливым, что он слаб!

Но если он («Слабый») прав – следовательно, другая сторона («Сильный») – неправа. А того, кто неправ, надо наказать: отобрать у него то, что является предметом его силы, и отдать Слабому, потому что последний, согласно Первому Принципу, прав, то есть имеет право на это предмет (некоторые, впрочем, предлагают уничтожать все яблоки раздора сразу после изъятия оных у Сильного, но это уже экстремисты, о них – особый разговор).

Примеры, иллюстрирующие действие этого принципа в левонастроенных умах, столь же разнообразны, как разнообразны и конфликты, сотрясающие человеческий род. Например, в конфликте «бедные и богатые» левый мыслитель однозначно встаёт на сторону бедного. Даже если этот конкретный бедный – существо малосимпатичное, а богатый, наоборот, является постоянным читателем статей мыслителя в еженедельной колонке «Нью-Йорк Таймс»,– бедняк всё равно прав! Именно ПРАВ, а не просто заслуживает помощи; так что если даже он живёт на пособие, выплачиваемое из налогов «богатого»,– это не меняет существа дела: богатый – Сильный (деньгами),– значит, неправ, то есть виновен, то есть должен быть наказан – у него следует отобрать то, чем он сильнее (деньги) и передать Бедному; путём ли увеличения налогов, ограбления или революции – выбор предоставляется очередному Раскольникову.

Другой пример. Когда на экране телевизора улюлюкающая толпа хулиганов, выкрикивая маловразумительные лозунги, идёт с камнями, цепями и кастетами бить полицейских,– левый мыслитель молчит. То есть он, возможно, даже скажет несколько слов о том, что любое насилие – плохо, но прозвучит это как-то неубедительно, без страсти, так как сердце его молчит. Если же полицейский (даже при самообороне, или тем более обороне общественного порядка) бьёт демонстранта

– то же самое сердце исходит кровью, и абсолютно искренне! При этом вполне возможно, что на полицейских напали студенты – бесящиеся с жиру сынки из обеспеченных семей, а полицейский – простой паренёк, зарабатывающий нелёгкой службой на жизнь и вечернее обучение (я намеренно использую вполне релевантные именно для левого уха образы). Но в данном конфликте на стороне полицейского – закон, точнее – узаконенное право на насилие, так что именно он, полицейский – сильный, а швыряющий в него зажигательную бутылку юный маоист – слаб. И поэтому в душе левый Мыслитель (уже с большой буквы) сочувствует полёту этой зажигательной бутылки: она для него символически восстанавливает справедливость, отбирая у полиции право на применение силы и передавая его другой стороне.

(Я не идеализирую полицию и полицейских; легко представить себе, что наличие дубинки в руках и снятие персональной ответственности в результате приказа командира способны создавать пьянящее чувство вседозволенности и даже романтики насилия, но по крайней мере неменьший эффект в сторону тех же ощущений оказывает на человека принадлежность к бегущей толпе, когда вокруг него истошно вопят и призывают к бунту «против негодяев» наэлектризованные наркотиками вожди, а камень в руке вдруг становится столь лёгок, и всё, что мешает тебе жить, так просто воплощается в мундир на расстоянии несильного броска... Но речь не о бунтарях и не о блюстителях порядка, – речь о созерцающем их Мыслителе).

До поры до времени автор попытается не затрагивать израильскую тему, но невозможно не обратить внимание на действие Л-1 при рассмотрении международных конфликтов. Режим Кастро на Кубе относится, вероятно, к наиболее гротескным изобретениям тоталитаризма – но и одновременно к его наиболее тотальным (прошу извинить за банальный каламбур) воплощениям: более чем за сорок лет (!) своего правления этот диктатор ухитрился не провести вообще никаких выборов, даже подтасованных или брежнеподобных; он довёл собственных граждан до того, что наиболее сообразительные из них были готовы чуть ли не вплавь пересекать морские преграды, предпочитая в худшем случае разделить компанию акул, но не бородатого бормотателя коммунистических заклинаний (кстати, физически уничтожившему кубинскую компартию сразу после захвата власти). Ошибкой было бы презрительно относиться к этим кастровским завываниям:

прислушайтесь к ним; это ровно одна песня: «Мы противостоям американскому империализму». И этой фальшивой, но гениальной ноты ему хватило на десятилетия, так как в противостоянии «США – Куба» очевидно, кто слаб и, согласно тому же принципу, кто прав, кто достоин как минимум сочувствия, а то и поддержки. Отсюда и презрительное отношение к тем, кто предпочёл риск побега с «Острова Свободы» продолжению кастровского благоденствия; и полное замалчивание абсолютного беззакония на Кубе, и снисходительное отношение к военным авантюрам "команданте" в Африке, и обожествление правой руки (ныне сгнившей) Фиделя – кровожадного фанатика Че, мечтавшего распространить кубинское благоденствие на все страны, о существовании которых ему было известно.

Другой пример, почти курьёзный – Фолклендская война. Напомним, что речь шла об островах, представляющих предмет давнего спора между Великобританией и Аргентиной. Учитывая, что население этих островов является всё-таки британскими подданными, их захват аргентинским десантом, по меньшей мере, смахивал на обычную агрессию. Тем не менее сравнение «Англия – Аргентина» с очевидностью выявляло слабейшего (правда, не в футболе), и ответная мера британского ВМФ оценивалась в куда более критичных выражениях.

Чуть ли единственная военная авантюра СССР, единодушно осуждённая сообществом мыслителей, – агрессия против Афганистана в 1979. И это - несмотря на то, что как раз в афганском кризисе Кремль пытался «навести марафет»: было изобретено «революционное правительство» Афганистана, срочно и слёзно умолившее Советский Союз о предоставлении гуманитарной помощи в виде ограниченного контингента. Однако слабость зачумлённых марксистов была очевидна, так что вмешательство КГБ в разборку между двумя бандами красноречивых афганских головорезов удостоилось международной реакции, которую не смогли предвидеть на Лубянке.

А вот что касается сегодняшней Японии, то последнюю никак нельзя назвать слабой, так что напрасно кто-нибудь в Токио будет надеяться, что судьба безусловно оккупированных Курильских островов заинтересует хоть кого-нибудь из тех, кто готов демонстрировать против «возрождения японского милитаризма».

И наконец: сколько крови должно ещё пролиться на Балканах, прежде чем прекратится опека «слабеньких» (почему-то) албанских боевиков, за которыми стоят и наркомафия, и мировой мусульманский экстремизм?

Второй основной принцип

Впрочем, не всегда Первый Принцип применяется с такой очевидностью. Для его реализации зачастую требуется, как минимум, определить, «кто такой слабый». Если попытаться выяснять это всерьёз, на анализ уйдёт слишком много времени, и ещё больше – на перевод этого анализа на доступный язык массово-возбудительных лозунгов. Следовательно, конфликт надо как можно более упростить – во всех его аспектах: этническом, культурном и пр., но в первую очередь – во времени и пространстве.

Всё это укладывается во «Второй основной левый принцип»:

Л-2: «Для определения слабой стороны анализ конфликта упрощается до минимальной схемы, по возможности лишая его временной координаты и связи с окружающей геополитической обстановкой»

Поясним на примерах. Самый феноменальный из них проживает всё-таки на Ближнем Востоке. Левый Мыслитель знает, что там существует палестинско-израильский конфликт (до существования других конфликтов – таких, как периодическое истребление тысяч собственных граждан в арабских странах, – ему нет дела); не требующее длительного анализа сравнение приводит его к очевидному выводу: слабы (то есть правы) «палестинцы». Однако «палестинский народ», о существовании которого не подозревал ни один политолог или этнограф ещё 50 лет назад, – это просто арабы (точно так же как «судетцы» – немцы). На внутреннем, арабском, рынке (свободном от западных предрассудков) арафатовские «дипломаты» говорят в основном о борьбе арабской нации против Израиля за освобождение захваченных евреями арабских земель. Однако никто из них не посмеет, надев в европейской столице (или перед камерами CNN) хороший французский костюм с безупречным галстуком, повторить выражение «арабо-израильский конфликт»: ведь тогда придётся сравнивать 22 арабских государства с Израилем по площади, по

населению, да и по нефти (и это ещё – с учётом только арабского, а не большинства мусульманского, мира). Но это уже – скука, цифры, это тревожит предремотную уверенность Левого как Аналитика, поэтому проще от этого отмахнуться, когда Арафат – ясное дело, такой слабый, что аж щёчки дрожат.

Интересно, кстати, было наблюдать, какое глубокое понимание этого принципа проявил в 1990 г. Садам Хусейн, вторгшись в дружественный Кувейт. В течение полугода он отчаянно пытался переопределить рамки конфликта, то говоря о социальной борьбе трудолюбивого иракского люда против кувейтских эксплуататоров, то вдруг требуя обусловить вывод его войск «справедливым решением палестинской проблемы». Но ему это не помогло: во-первых, такое толкование требовало чересчур заумных логических выкрутасов, а во-вторых, на его беду, в Техасе (и, следовательно, в Вашингтоне) не хуже, чем в Багдаде знали, что кувейтские скважины прорыты вовсе не для орошения банановых плантаций.

И всё-таки чаще всего принцип «А-2» применяется левыми при рассмотрении (а точнее, игнорировании) координаты времени в конфликте. Дело в том, что понятия «слабый» и «сильный» остаются довольно абстрактными, если мы не уточним: идёт ли речь о слабости по начальным условиям конфликта или по его результату? Принцип «А-2» даёт абсолютно чёткий ответ:

«А-2В»: «Слабость устанавливается только по результату на текущий момент».

Перенесёмся мысленно через океан, чтобы продемонстрировать работу того же принципа – на этот раз в сфере социальной. Прибывшие в течение этого века в США чернокожие иммигранты с Ямайки и их дети несомненно относятся к той же расе, что и коренные уроженцы Гарлема. В отличие от последних, беженцы с Ямайки не были гражданами США с рождения, далеко не для всех был родным бруклинский акцент, не говоря уж об отсутствии минимальных условий для начала жизни в новой стране. Они были несомненно «слабыми», если сравнить их с гарлемскими или луизианскими собратьями, по начальным условиям, однако почему-то защитники слабых предпочитают не вспоминать о них, когда спустя полтора века после Линкольна продолжают проявлять глубокое понимание несчастной судьбы негодяя, балующего малолетних детей марихуаной. Это «почему-то», разумеется, неискренне: принцип «А-2В» действует, начальные условия забыты, да здравствует результат! – и дело в шляпе:

растлитель малолетних – несчастная жертва расизма, а сын выходцев из Ямайки, профессор права в Гарварде, – презренный коллаборационист, «дядя Том».

Впрочем, зачем искать за океаном? Лет десять назад я был удивлён, найдя в статье очень левого израильского журналиста сравнение местного политика с... кулаками (разумеется, сравнение отрицательное). «Кулацкая психология» – вот какое выражение уверенно (и в абсолютно советских интонациях) употребил уроженец, если не ошибаюсь, киббуца, в жизни по-русски не говоривший и не читавший. А зря, совершенно зря не читал он по-русски или хотя бы в переводе что-нибудь про советскую деревню, отличное от Шолохова! Тогда бы узнал он, что «по начальным данным» кулаки не отличались от других крестьян: земля была поделена поровну, пропорционально числу душ в семье. Да, конечно, многое зависит от везения, от погодных условий и т.д., но статистически несомненно: через 10 лет «кулаками» (то есть зажиточными крестьянами) стали те, кто умел и хотел работать на земле – своей земле, разумеется! Они были «сильными по конечному результату», – и, значит, они-то и оказались врагами советской власти, они-то и подлежали уничтожению (разумеется, в реальности нормы раскулачивания загребали под свои жернова всех: от деревенских кузнецов до просто случайных людей, но мы говорим об идеологической установке) – уничтожению, над которым Левый Мыслитель на Западе не только не проронил слезинки, но и готов, ухмыльнувшись, использовать его жертв как очевидно отрицательный образ.

(Кстати, мне довелось спустя несколько лет побеседовать с этим журналистом. Я сказал ему ровно одну фразу: «Тот факт, что процент евреев среди раскулаченных был ничтожен, вряд ли может оправдать глумление над памятью миллионов невинно истреблённых русских крестьян» – и он, к моему удивлению, немедленно согласился. Я уже был готов сделать вывод, что журналист этот, в сущности, неплохой человек, как вдруг осознал, что моё сообщение о том, что же в сущности представляло собой раскулачивание, не явилось для него сногсшибательной новостью, – и тем не менее не остановило его пера...)

И наконец – «чистый эксперимент»: два Китая, коммунистический на материке и националистический – на острове Тайвань. По начальным данным их сравнивать просто неприлично, но эта опасность не грозила "Великому Кормчему" и не грозит

его наследникам: «антинародный режим» (то есть созданная националистами демократия) на Тайване привёл страну к фантастическому экономическому расцвету – в отличие от унылых шинелей китайской глубинки, так что «по результату» оказался «сильным» – и, разумеется, о нём стало вспоминать как-то неудобно, особенно на фоне всемирной симпатии к кошмару «культурной революции», понимания «необходимости особого китайского пути» и углублённого изучения творческого наследия Председателя Мао.

Третий основной принцип

«Третий основной левый принцип» гарантирует абсолютизацию однажды установленного выбора «слабого»:

«А-3»: «Слабый в каком-либо конфликте не рассматривается как сильный ни в каком другом конфликте»

Этот принцип можно было бы назвать «анти-транзитивностью понятия слабого», если бы такое излишне математическое звучание не находилось бы в вопиющем противоречии с предлагаемой им логикой. Примеры здесь столь же очевидны, сколь и многочисленны. Кроме упомянутого уже Кастро, попробуйте, отрицая факт глубокой подсознательной акцептированности принципа «А-3» левыми, объяснить столь полное равнодушие к мерзостям, творимым не только Армией Освобождения Косово или Арафатом, но и вчерашним «героем» вроде Р. Мугабе! Концлагеря во Вьетнаме, созданные практически сразу же после «победы над США и американскими прихвостнями» (то есть нарушением Парижских соглашений и оккупацией демократического Южного Вьетнама эпигонами Москвы) не удостоились хоть сколько-нибудь заметной критики – разумеется, ведь Вьетнам был слабым по отношению к США; этнические чистки в Северной Африке не были гневно осуждены, так как их проводили вчерашние борцы с французскими колонизаторами, «герой» Хафез Асад мог беспрепятственно уничтожать братьев-алавитов в Тель-Заатаре, изгнавший британских колонизаторов великий гуманист М. Ганди разрешил восстановить такие народные обычаи (запрещавшиеся проклятыми империалистами), как сожжение вдов и т.п.

Любой африканский диктатор, власть которого основана на том, что он приобрёл по случаю партию современного оружия и уничтожил две-три соперничающие группировки в его стране (как правило, вырезав при этом целые племена, с этими группировками связанные), купается в немыслимой роскоши, источник которой – в многомиллиардной помощи, поступающей от искупающего таким образом свою «колониальную вину» Запада. При этом большинство его подданных балансируют между постоянным голодом и просто вымиранием, не говоря уж об элементарном образовании и минимально приемлемом медицинском обслуживании. Тот, кто поднимет перчатку и обвинит в страданиях африканцев не «сытый Север», а именно этого диктатора (не говоря уж о том, кто рискнёт сравнить их положение при «независимости» с таковым в эпоху «проклятого колониального прошлого»...), хорошо знает: в лучшем случае ему уготованы титулы «реакционера» и «неоколониалиста».

И уж если совсем без всякой попытки осмыслить происходящее (зато в полном соответствии с «Л-2») был зачислен в «слабые» маоистский Китай,— так чего там расстраиваться по поводу уничтожения древней уникальной культуры Тибета!

Чуть ли не единственный пример, когда принцип «Л-3» был в конце-концов «удалён с поля»,— это Иран: но и здесь понимание того, что же за силы пришли к власти вместо «продажного шаха», наступило слишком поздно...

А что тут плохого?

Вынесенный в подзаголовок вопрос можно было бы, разумеется, сформулировать более осторожно: скажем, «Какая опасность кроется в левых тенденциях современной политической мысли?» Политкорректность не пострадала бы – и, что более важно, политмода была бы соблюдена на все 100%. Однако мне представляется запоздалым говорить сегодня об этих «опасностях» как о чём-то потенциальном – не кроются они, а скорее роятся над нашими головами, как неправильные пчёлы, поставляющие неправильный мёд, в просторечии именуемый ядом.

Итак:

Принцип «Λ-1» опасен, плох, ужасен, отвратителен, АМОРАЛЕН прежде всего тем, что подсознательно апеллирует к одному из самым тёмных уголков человеческой природы – к зависти. А поскольку для зависти всегда найдётся цель, он (принцип) служит беспроницаемой когнитивной индульгенцией (и априори, и апостериори), причём тем более сильной, чем большая группа людей это чувство разделяет. «Λ-1» – и порождение популизма, и его катализатор.

Принцип «Λ-2» также носит популистский характер, но это – популизм другого уровня: антиинтеллектуальный. Более упрощённые формулировки, замена анализа лозунгами, а выяснение сути проблемы – истерическими всхлипами, – всё это, безусловно, удобно для СМИ, но заживо хоронит надежду даже на самую постановку вопроса «Кто же всё-таки прав?» в любом случае, когда для выяснения ответа необходимы какие-то интеллектуальные усилия (а не только псевдинтеллектуальная мода).

Принцип «Λ-3» попросту «затыкает рот изнутри», когда речь идёт о реальных страданиях тысяч и миллионов людей, единственная вина которых состоит в том, что они оказались подданными очередного демагога с орлиным взором, не способным дать своему народу ничего, кроме антиимпериалистического клёкота и обещания всеобщего мгновенного процветания – почти сразу после уничтожения инакомыслящих или вообще как-то мыслящих.

Левая идеология в целом не только ответственна за разрушительные последствия своих нравучений, применённых на периферии Запада, – она может послужить причиной ползучей капитуляции свободного мира и здравого смысла перед хорошо спланированной атакой со стороны тех сил, которые никогда, ни при каких обстоятельствах не откажутся от доктрины, требующей полной и окончательной победы собственного изма во всём мире – и его окрестностях.

Сказанное выше относится, разумеется, к левой идеологии, а не к её носителям. Сами по себе левые могут быть людьми симпатичными и несимпатичными, талантливыми и бездарными, – как, впрочем, и не-левые. Как же получилось, что среди определённых групп населения эти вышеперечисленные левые «раз-два-три» стали непререкаемой нормой, где корни этого явления? Настоящая работа не является попыткой изучения ни истории образования левой идеологии, ни её распределения.

Постараемся лишь бегло рассмотреть несколько понятий – идеологических или социальных, – обычно воспринимаемых ассоциированно с понятием «левый» или «левонастроенный».

Христианские корни?

Первым в качестве естественного кандидата на роль прародителя левозакрученной моралистики обычно предлагают знаменитый евангельский принцип, призывающий после получения пощёчины подставить вторую щеку. Не будучи ни в коей мере специалистом по христианству и вполне осознавая, насколько деликатно следует судить о предмете пусть чуждого мне, но верования (и даже более чем верования) миллиардов людей, позволю себе всё-таки усомниться в правомерности такой идентификации корней левозакрученных насаждений. Причины моего скептицизма таковы:

а) как раз руководство «очень религиозных» христианских общин в странах Запада вряд ли может быть зачислено в левый лагерь – не говоря уж о евангелистах США, это не соответствует поведению ни большинства католиков, ни англиканской церкви;

б) левая идеология никак не проявляется в двухтысячелетней истории христианской цивилизации – вплоть до наших дней; мне как-то трудно даже вспомнить, кто из великих христианских государей занимался в критические часы подставлением небитой щеки (даже знаменитый приход Генриха IV в Каноссу был скорее актом политическим);

в) принцип уравнивания щёк – возможно, самый зрительно запоминающийся, но далеко не единственный в христианстве. Скорее уж на каждого искреннего христианина должно было повлиять мнение, что «блаженны нищие духом» – разница принципиальна: они «блаженны», а не «правы» (разумеется, с дальнейшим более широким восприятием понятия «нищих»). Продолжая параллель: трудно, конечно, представить себе А.С. Пушкина христианским проповедником, но

нет сомнения, откуда происходил пафос поэта, чьё перо выводило «И милость к падшим призывал...» Милость, господя, милость, а не «грабь награбленное!»

Перечитав написанное, я чувствую необходимость всё-таки поставить несколько знаков вопроса – ведь как-никак современная западная цивилизация является, по крайней мере этнически, по большей частью наследницей христианства (при всей значимости таких вкраплений, как Япония, Израиль и Турция). Может ли быть, что именно ощущение нереализованности вышеназванных евангелических императивов христианской же практикой породило в западной цивилизации подсознательную необходимость «оплаты долгов» (а отсюда – один шаг до Λ-1)? Но – ровно в той же степени как я не нуждаюсь в «дружеских советах еврея от искренних доброжелателей» – сочту за нескромность развивать эту тему, в отличие от следующей:

Левые евреи

Сказано Кислярскому: «Все евреи левые». Сказано в Старгороде, – то есть старо. Старо – но и современно.

«Левизна» евреев США (иногда стыдливо именуемая «либерализмом») общеизвестна: 30% еврейских голосов, поданных на выборах 1984 г. за Р. Рейгана является рекордом поддержки республиканского кандидата в президенты США со стороны еврейской общины. Статистика других стран Запада менее общеизвестна, однако и в них тенденция просматривается достаточно однозначно. Ещё более поражает постоянно высокий (на протяжении последних 50 лет) процент участия евреев в левозкстремистских (зачастую даже откровенно антисемитских) движениях США, Франции, Латинской Америки. Наконец, обращение к началу века напомним о ещё более высоком проценте евреев в коммунистических и социалистических движениях Восточной Европы, а ещё ранее – просто ни с чем не соразмерная панорама основателей германской социал-демократии, где оторопельный ариец Ф. Энгельс как-то робко смотрится на фоне окружающих его семитских профилей. Вывод напрашивается автоматически, а с ним – потребность объясниться.

С другой стороны, еврейская традиция, как она отражена в Торе, перушим (комментариях), мидрашим (толкованиях), галахе (законе), еврейском праве, хитросплетениях Талмуда – не даёт повода для подозрений в «левизне». Нет никакого сомнения в социальной значимости законов о еженедельном отдыхе, о правах наёмного рабочего, об обязательных пожертвованиях на благотворительность, однако еврейская традиция осуждает сильного только в том случае, когда он не помогает своим слабым собратьям, и осуждает, разумеется, вовсе не за сам факт его «силы»! Слово «цдака» (благотворительность) на иврите происходит от того же корня, что и слово «цедею» (справедливость), так что может быть, собственно, переведено как «делание справедливости», тому же требованию полной справедливости подчинены дотошные юридические рассуждения Талмуда, регламентирующие экономические отношения, однако в них нет и намёка на нечто, близкое по духу к А-1. Нечего и говорить о том, что той же дотошности (как в праве, так и в перушим) полностью противоречат по букве и по духу как А-2, так и А-3. Более того: еврейский закон демонстрирует полное пренебрежение к популизму, когда после знакомого призыва к судьям не прельщаться богатством одной из сторон следует абсолютно неожиданное (в рамках стандартного морализирования) требование не потакать и бедняку!

Как же объяснить столь режущее глаза противоречие между статистикой и традицией?

Мне представляется, что ответ кроется в простом факте: статистика – всегда функция выбора генеральной совокупности. Более детальный просмотр списка левых знаменитостей еврейского происхождения выявляет любопытную закономерность: наибольшая склонность влево проявляется у той части ассимилированного еврейства, которое серьёзно озабочено вопросом: как я выгляжу в глазах окружающих? Отсюда – сознательно или подсознательно – появляется импульс сосредоточить свои усилия на тех действиях, которые продемонстрируют этим окружающим: вы не смотрите, что я еврей; я с радостью пожертвую своим еврейством (разумеется, в рамках установленной политкорректности и дозированной конфессиональности) ради «общих проблем»! Когда же этот импульс проникает в каждую клетку мозга, то, будучи помножен на еврейский максимализм, склонность к мессианской экзальтации, на способности, на конец, – приходит результат в виде Троцкого, супругов Розенберг, канцлера Б.

Крайского, вождей парижских студентов на баррикадах 68 г. – или, на худой конец, сенатора Дж. Либермана (эквилибризму которого между самоопределением «ортодоксального еврея» и прятанием кипы в кармане плюс толкованием иудаизма в духе очередного интервьюера мог бы позавидовать цирковой канатоходец). Общее для всех вышеперечисленных – это в той или иной форме морализирование в адрес соплеменников: «Ну как можно заниматься еврейскими проблемами, когда вокруг столько несчастных?» Чем дальше эти «несчастные», чем меньше у них общего с активным ассимилянтom – тем выигрышнее для него.

Иными словами: «левизна евреев» – явление реальное, однако представляет собой порождение внутренних еврейских проблем исторического развития, и ни в коем случае – не корень общего явления левизны.

Левые и марксизм

Разница между марксизмом и, скажем, гитлеризмом или мусульманским террором, – это загадка. Марксизмом переболели почти все страны; ни в одной из тех, где он утвердился у власти, не произошло обещанного процветания: везде оказалось, что экономические построения всех трёх томов «Капитала» не принесли результатов, способных окупить бумагу, на которой были изданы. «По дороге» апологеты марксизма ухитрились истребить за кратчайшие периоды времени больше миллионов людей, чем любая другая идеология в истории человечества. Тем не менее – и сегодня масса вполне милых людей с улыбкой за вечерней чашкой кофе сообщают как нечто само собой разумеющееся: «Я – марксист». Непостижимая загадка!

К. Маркс был стопроцентным расистом в худшем смысле этого слова – но в Африке расцвели партии и режимы, декларировавшие себя марксистами (только не надо, пожалуйста, объяснять, что это ненастоящие марксисты – все марксисты оказываются почему-то ненастоящими, как только приходят к власти). Будучи внуком раввина, К. Маркс исходил животной злобой, говоря о евреях (его лучшие перлы с удовольствием цитировал Гитлер), – но в какой минимально уважающей себя марксистской организации среди основателей не числятся еврей? Его социальная программа в любой области – семья, воспитание детей, гражданские свободы –

должна вызвать шок у любого нормального человека, если только прочитать ему их вслух,— но попробуйте, попробуйте прочитать ему это вслух — от Вас отмахнутся небрежным: «Ах, да не в этом суть!» — а в чём же, позвольте спросить?

На этот бестактный вопрос Вам скорее всего не ответят. Ибо суть не в том, что «Пролетарию нечего терять, кроме своих цепей», а в том, что «Он приобретёт весь мир». И не просто мир — а мир Справедливости, с большой буквы. Потому что цепи — это символ слабости, причём всемирной, глобальной; потому что есть враг (опять-таки глобальный), который пролетариат в эти цепи заковал. Что бы мне не говорили, но К. Маркс нашёл гениальный в своей злодейской простоте образ: ведь действительно цепи сами по себе на руки не наденутся. Так что принцип Л-1 подаётся здесь в такой зрительной очевидности, что пролетарии всех стран, конечно же, объединятся. А кто такие пролетарии? Ну ясно же, все слабые: тогда — шахтёры и строители, сегодня — и зимбабвийские негры преклонных годов, и дикий феллах Палестины, и пре-красные кхмеры, и докеры Гданьска. Но все они, особенно последние,— только если будут себя хорошо вести; в противном случае мы их из звания «пролетариата» исключаем — вместе со всеми работниками, скажем, «Дженерал Моторс». Поскольку приём в члены «Интернационала слабых» обусловлен исключительно состоянием кандидата на момент подачи заявления,— без Л-2 не обойтись. А уж если ты принят, получай, товарищ панентованный слабый, индульгенцию по всей форме Л-3!

Здесь и зарыт корень разгадки: марксизм давит на клапаны тех же самых примитивных чувств, предлагает полное отпущение грехов без исповеди и покаяния — и почти немедленное Царство Справедливости на земле — впридачу. Я не думаю, что К. Маркс изобрёл левые принципы, но марксизм, несомненно, вьёлся в души людей гораздо глубже, чем мы готовы себе признать (если Вы с этим не согласны, напомните Вашему симпатичному левому приятелю, что Сталин, Мао или Кастро уничтожили больше людей, чем Муссолини, Пиночет или Франко — и насладитесь реакцией) и послужил проводником этих микробов в такие души, где без него они бы мгновенно уничтожены естественными антителами.

Левая молодёжь

Верно ли, что молодёжь обычно склоняется влево? Несмотря на распространённость этого тезиса, мне никогда не попадались на глаза хоть какие-либо статистические данные, его подтверждающие. Обычно в качестве «доказательства» цитируют У. Черчилля «Кто не был социалистом в двадцать лет, у того нет сердца», или приводятся студенческие волнения во Франции конца 60-х и последовавшие за ними аналогичные (хотя и менее массовые) явления в других странах Запада. К черчиллевскому афоризму мы ещё вернёмся, а пока пройдемся мысленно по парижским улочкам.

Нет сомнения в том, что основой тех студенческих волнений послужила знакомая парадигма «слабые против сильных», да и развивались они по знакомым правилам левого буравчика. Однако в этом случае речь шла о собственных интересах студентов, и попытки левых экстремистов перевести движение в глобально-левое русло, в общем-то, не увенчались успехом.

Если же и есть правда в тезисе об отрицательной корреляции между возрастом и левизной, то она в следующем. Левые (и особо левоэкстремистские движения) легко могут использовать принцип «Л-2», когда речь идёт о молодом человеке, не склонном тратить много времени на анализ, и уверенному в том, что все проблемы мира имеют простое решение. Если же при этом учесть естественную повышенную активность молодёжи,— результаты такой пропаганды в конкретных случаях могут быть разрушительными, если не катастрофическими.

Левая интеллигенция

Стараниями СМИ понятие «интеллектуал» в последние десятилетия столь сплелось с прилагательным «левый», что воевать с этим несолнечным сплетением — занятие почти безнадежное: едчайшие и остроумнейшие эссе Э. Ионеско не смогли развенчать этого мифа. Ни в коем случае не принимая этого навязанного стереотипа, в рамках данной работы ограничусь несколькими важными, на мой взгляд, замечаниями.

Понятие «интеллектуал» предполагает наличие культурного багажа, но ещё больше – его творческое применение, исследовательскую деятельность, умение ставить мысленные эксперименты и проверять результаты своей работы объективными широкодоступными критериями. Интеллектуалы стали популярны в сегодняшнем мире не из-за Тойнби и бостонских социологов, – уважение к университетам и их выпускникам привило скорее бурное развитие естественных наук с видными невооружённым глазом результатами: в технологии, в быту, в медицине, в транспорте, в масс-медиа. Тем не менее можно быть уверенными: когда на телевидении или в газетах речь идёт об «интеллектуалах» – на 90% подразумевают представителей общественных наук. Откуда такая дискриминация? Нетрудно объяснить.

Прежде всего, СМИ живут общественно-политическими новостями. Если речь речь, скажем, о волнениях в Кашмире на религиозной почве, естественно пригласить в студию специалиста по религиозным конфликтам в Индии, чтобы он сообщил широкой аудитории нечто популярное на этот счёт, как бы невзначай посоветовав купить его последнюю монографию на затронутую тему. Аналогично – если на повестке дня вооружённый конфликт на Балканах, баскские сепаратисты, аборигены Австралии и индейцы Мексики. О чём спрашивать, скажем, математика, если для него азбучная истина состоит в том, что гомоморфный образ группы изоморфен фактор-группе по ядру гомоморфизма, но не всегда исходная группа изоморфна декартовому произведению подгруппы на её фактор?

Словом, объективная основа существует. Но вот дальше начинается нечто менее понятное: скажем, если сообщается о поражающих воображение достижениях в геномной инженерии, – почему бы не пригласить хорошего биолога и неспешно поинтересоваться у него, что же такое этот пресловутый генетический код? Нет, максимум, на что может рассчитывать биолог, – это на две фразы общей протяжённостью 17 секунд (как правило, в лаборатории, на фоне зловещих реторт), после чего в знакомой студии привычно усаживается в кресло очередной представитель моралистики в университетской мантии.

Странно? Ничего странного: ведь не только большинство аудитории, но и сам телеведущий не в состоянии будет понять двухминутного объяснения, требующего

учёных познаний в рамках школьного курса! А масс-медиа – они ведь от слова «масса», на её уровень (а точнее, на её минимальный уровень) надо равняться, тем более что журналист этому минимальному уровню, как правило, и соответствует...

У этого явления есть, разумеется, и обратная связь: профессор по демократическому воспитанию также заинтересован в том, чтобы его продолжали приглашать и цитировать. Для этого формулировки должны быть проще, примитивнее, а сам профессор – источать уверенность и всезнание. Физик или химик не постесняется ответить на вопрос словами: «Этого я не знаю» или «Наука пока не в состоянии объяснить...» От общественника на ТВ таких откровений не дождёшься: если не знаешь, чего занимаешь экран? Примитивизм этот НИКОГДА НЕ ОГРАНИЧИТСЯ телевременем или газетной полосой: он распространяется далее, в стены академии, ползёт в публикации, переходит на студентов (благо что требования к студентам-гуманитариям падают год от года) и т.д. При этом – абсолютная безмятежность, никаких опасений по поводу проверки результатов творчества. Примеры? Да сколько угодно!

Десять-пятнадцать лет назад в любом уважающем себя университете мира существовала кафедра советологии – или, по крайней мере, несколько профессорско-советологов (не считая докторантов, пост-докторантов, стажёров и пр.) Общее их число в мире на 1990 г. весьма скромно оценивалось в 10 тысяч душ. Проводились конференции, издавались журналы, писались статьи, получались звания, распределялись ставки, назначались советники, светились телеулыбки. Эффект поразителен: никто из них не предсказал распада СССР в 1991 г. (хотя если бы только из интереса каждый из советологов мира выбрал бы какой-то год и утверждал, что в этом году Советский Союз рухнет, – несколько сотен были бы немедленно записаны в пророки)! Мало того – в конце концов, не предсказаниями же должна заниматься эта наука (хотя, впрочем, почему бы и нет?) – в один мощный советологический унисон они утверждали: этого НЕ произойдёт! Произошло... А теперь разрешите задать бестактный вопрос: сколько из вышеуказанных учёных потеряли на этом свою ставку?

(В качестве дополнительного примера приведу забавный, но абсолютно реальный случай, произошедший недавно в Иерусалимском Университете. Очень уважаемый политолог провёл исследование – и, естественно, опубликовал монографию – о

влиянии Интернета на политику. В лекции, посвящённой результатам своего исследования, он указал на следующий важный эффект: благодаря электронным средствам невероятно возросла возможность рядового гражданина задать вопрос парламентарии или министру. Если раньше такую единственную возможность предоставляло радио, причём надежда попасть в эфир и задать вопрос была чудовищно низка,— сегодня каждый гражданин может обратиться к любому парламентарии через e-mail. Присутствовавший на лекции студент спросил: «да, но ведь на радио, по крайней мере, мы слышим голос политика и можем быть уверены, что это он; при использовании же электронной почты мы не знаем, кто отвечает нам: сам политик или его помощник. Профессор улыбнулся улыбкой мэтра и сказал: «Ещё не родился политик, который позволит своему помощнику вести за себя его электронную почту». Пикантность ситуации, скрытая от профессора, состояла в том, что спрашивающий был помощником члена Кнессета, регулярно, раз в неделю, отвечавшим от имени своего шефа на электронные запросы...»)

Ну, а при чём же здесь левизна? А вот при чём: стремление попасть на СМИ толкает не только в сторону примитивизма, но и популизма; причём чем примитивнее этот популизм,— тем лучше достигается цель. Как мы уже отмечали, популизм неразрывно связан с постулатом А-1, но и постулат А-2 не остаётся в накладе: время дорого, некогда рассказывать про предыстории, говори просто: кто прав, кто виноват!

Чтобы не оставаться голословным, приведу статистику того же израильского Кнессета 90-х гг.: если рассмотреть представителей академии (докторов и профессоров), служивших стране в качестве парламентариев и министров и принадлежащих левому лагерю, то 90% среди таковых составляют гуманитарии и общественники; среди правых же 64% относятся к миру естественных и точных наук (у меня, к сожалению, нет точных данных о других парламентах мира, но косвенные данные позволяют утверждать, что речь идёт о глобальном явлении...)

Консервативная альтернатива

Всё сказанное выше относится к левому полюсу политического и общественного мышления. А что же на другом полюсе? Где альтернатива? Какой же главный правый лозунг?

Левая пропаганда отвечает, а СМИ повторяют: единственная антитеза А-1, которую могут предложить правые, это «Сильный всегда прав». Логика здесь примерно такая же, как если бы единственным отрицанием утверждения «Все числа – чётные» было «все числа – нечётные». Борьба с этой глупостью так же непросто, как и с любыми человеческими заблуждениями, усиленно подпитываемыми невежеством и нежеланием думать. Что же можно сказать на такое рацпредложение?

Возведение силы на трон справедливости столь же отвратительно, как и коронация слабости. Те, кто пытаются представить эту дихотомию как единственно возможную, – намеренно смешивают в одну кучу республиканцев США и латиноамериканских диктаторов, националистов и нацистов, сторонников либеральной экономики и фашистов (хотя последние, как гениально показал Ф.А. Хаек, являются прямым порождением социализма). Эта ложь служит оправданием фактической диктатуры левых в СМИ, – ну кто же хочет оказаться в одной компании с такими косными реакционными силами как (далее следует стандартный список заклеимённых)?

Правда же, непростая, некраткоформулируемая, неафористичная, неудобоваримая, неромантическая ПРАВАЯ ПРАВДА в том, что антипод центра шара – не обязательно его поверхность. Или, возвращаясь к серии А-1/2/3:

П-1: Слабость и Справедливость – понятия независимые. Иногда прав Слабый, иногда – Сильный, иногда – оба, иногда – никто из них (а иногда этого просто невозможно «объективно» установить). Так что, пожалуйста, вбрасывайте шайбу в центр поля...

П-2: Никакой конфликт не начинается с того момента, когда его показывают на экране, и чтобы проанализировать его, надо не лениться, и включить в анализ не только его явных участников...

П-3: Понятия «Свободы», «Независимости», «Освобождения от иноземного гнёта», «Борьбы за социальные права» не могут быть оправданием для тех мерзостей, которые во имя их творятся...

(Многоточий здесь больше, чем восклицательных знаков. И это понятно: радостные крики и скандирование лозунгов, как правило, служат выражением отсутствия других аргументов)

Как же называть эту альтернативу? Мне больше всего представляется естественным использовать определение «консервативный». И не только в силу загаженности термин «правый», но и по другим, более глубоким, причинам.

«Косервативный» – это от «to conserve», «сохранить». Да, я знаю, это звучит неромантично, гораздо привлекательнее призывать «весь мир насилия разрушить до основания...» А затем? Что затем? Тяжелейшими потерями заплатила цивилизация за то, чтобы только-только выйти на состояние, в котором мечтания библейских пророков выглядят чем-то воплотимым. Не разрушать, а сохранять надо, холить и лелеять эти хрупкие ростки.

Сохранять традиции, культуру, гордиться достижениями цивилизации, а не оплёвывать их, и постараться передать это детям – задача ой какая непростая, но необходимая жизненно, от слова «жизнь», потому что жизнь наша от этого зависит. Жизнь и достоинство. Из всех героев литературы за последние полвека мне милее всего Сандро из Чегема, потому что этот абхазец из горного села – столп консервативности, хранитель достоинства и здравого смысла, не капитулировавших перед всеми прогремевшими над Чегемом измами, родной брат Тевье-молочника и лорда Фаунтлероя.

Быть осторожнее и разборчивее! Это, может быть, очень красиво и модно: облобызать каждого представителя Третьего мира, объявляющего себя революционером, но гораздо мудрее и порядочнее постараться выяснить сначала: во имя чего он собирается эту революцию делать? И сколько миллионов должны положить головы во имя этой революции? За последние 40 лет Запад вложил в Третий мир, в «развивающиеся страны» БОЛЕЕ ПОЛУТОРА ТРИЛЛИОНА ДОЛЛАРОВ – куда они пошли, кого и как «развили»?

Левая пружина закручена достаточно. Малейшее потрясение – больно ударит. И давайте-ка вернёмся к афоризму Черчилля, полностью звучащего так: «Тот, кто не был

социалистом в 20 лет,— у него нет сердца. Тот, кто остался им в 40 лет,— у того нет ума.»

Пора нашим Мыслителям повзрослеть!

Вместо эпилога: Израиль как лаборатория

Да чего тут писать — и так всё ясно...

1/09/2001